

Лэ Уя шел по мрачным, ледящим коридорам тюрьмы, испытывая странное чувство, будто все происходящее лишь сон наяву.

Еще до того, как закрыть глаза в прошлый раз, он сам был обреченным на казнь арестантом.

Но стоило очнуться после этого долгого кошмара, как весь мир вокруг него изменился до неузнаваемости.

Пока они шли к камере, где содержался ученый Мин, Лэ Уя воспользовался моментом, чтобы поразмышлять: почему он вернулся к жизни именно в теле этого решившего свести счеты с жизнью мелкого уездного чиновника?

Если на то была воля Небес, то это лишь доказывало, что Небеса истинно слепы. Вместо того чтобы обратить взор на бесчисленный страдающий люд в поднебесной, они почему-то решили проявить благосклонность к нему, конченому мерзавцу.

Лэ Уя так и не пришел ни к какому выводу, когда смотритель Чэнь, шедший впереди с фонарем, внезапно остановился и грубо прикрикнул:

— Эй, Мин! А ну поднимайся! Сам уездный начальник пришел на тебя поглядеть!

Эта камера находилась в самом глухом тупике тюрьмы. Соседние клетки пустовали, окон здесь не было, а вокруг царил беспросветная, густая тьма. Бумажный фонарь в руке смотрителя Чэня мог выхватить из темноты лишь три чиня* серой земли перед ними.

ПП: Один чинь составляет около 33,3 см., то есть три чиня равно примерно 1 метру.

Свет упал на бледные, исхудалые ступни заключенного. Тот испуганно поджал ноги, словно застигнутое врасплох светобоязненное насекомое.

Из непроглядного мрака донесся хриплый, надрывный голос:

— Ничтожный раб... ничтожный раб виновен во всем. Но умоляю, пощадите мою престарелую матушку...

Смотритель Чэнь обернулся и заискивающе произнес:

— Вот видите, начальник, он уже во всем сознался...

Договорить он не успел: Лэ Уя ловким движением перехватил у него из рук фонарь и коротко бросил:

— Свободен. Иди отсюда.

Смотритель опешил. Ему явно не хотелось уходить, но с ходу придумать вескую причину для отказа он не смог. Помявшись и пробормотав что-то невнятное, он весьма неохотно удалился.

Когда шаги затихли вдали, Лэ Уя поднял фонарь и обошел камеру по кругу. Он постучал по стенам, чтобы убедиться, что здесь нет потайных комнат для подслушивания, после чего медленно присел на корточки и неторопливо произнес:

— Тебя обвиняют в государственной измене. Если ты признаешь вину, твою мать отправят в ссылку за три тысячи ли.

Свет от поднятого фонаря полностью озарил скрывавшегося в тени ученого Мина.

Волосы парня были спутаны, а сам он выглядел истощенным до предела, однако даже сквозь эту изнуренность проглядывали черты лица, оказавшиеся куда более благородными и красивыми, чем Лэ Уя мог себе представить.

Если бы не это страшное обвинение, с такой статной фигурой и внешностью он наверняка был бы полным надежд, успешным молодым человеком с блестящим будущим.

Однако сейчас его разум явно помутился от перенесенных потрясений. Он тупо смотрел в пустоту перед собой и, едва не плача, бормотал, точно в бреду:

— Это все равно лучше... лучше, чем если она заживо сгниет в этих застенках...

Он попытался повернуться, чтобы затылком удариться о землю в поклоне, но сил подняться не было. Парню оставалось лишь беспомощно прижаться лбом к грязному полу, слабо шепча:

— Сын нечестив... Матушка, твой сын нечестив перед тобой...

Лэ Уя за свою жизнь повидал немало покойников и сразу понял: этот бедолага действительно доживает последние минуты.

Он перевел взгляд на Вэньжэнь Юэ, который безмолвно стоял рядом, опустив прозрачные руки, и жестом поторопил его действовать, пока тело не остыло.

Он не был уверен, сможет ли дух Вэньжэнь Юэ успешно занять чужую плоть, если тот упустит момент, и человек окончательно испустит дух.

Вэньжэнь Юэ опустился на корточки, но не спешил забирать чужую жизнь. Он лишь

осторожно коснулся плеча ученого Мина, словно искренне пытаясь хоть как-то облегчить его страдания.

Заключенный, кажется, почувствовал это едва уловимое прикосновение. Он с трудом приоткрыл покрытые грязью веки, силясь разглядеть, кто находится рядом.

В его затуманенном, угасающем взоре внезапно возникли сразу два «Вэньжэнь Юэ».

Один спокойно стоял с фонарем в руках, а второй присел подле него, и его лицо было полно глубокого сострадания.

Живые люди не способны видеть призраков, это дано лишь тем, кто уже стоит на пороге смерти.

Ученый Мин закрыл глаза, посчитав это предсмертным бредом и галлюцинацией.

На самой грани, когда сознание готово было окончательно погрузиться в небытие, он услышал чье-то тихое вопрошание:

— Ученый Мин, ты действительно ни в чем не виноват?

Тот лишь слабо и прерывисто дышал, не в силах вымолвить ни слова.

Выражение лица Лэ Уя оставалось безучастным.

В неверном свете фонаря на его лице не читалось ни капли жалости. Он лишь бесстрастно констатировал очевидные факты:

— Я знаю, что ты умираешь. Но сможешь ли ты уйти с миром, зная, что твой талант сгинет без следа, а твоя престарелая матушка останется страдать в этом мире?

Ученый Мин продолжал хранить молчание.

Однако по тому, как под его веками едва заметно задвигались глазные яблоки, Лэ Уя понял, что тот все прекрасно слышит.

Он намеренно опустил голос, и хотя в его тоне сквозила насмешка, слова звучали на редкость ядовито и безжалостно:

— Думаешь, если ты безропотно признаешь вину и избавишь мать от смерти в этих застенках, это и будет сыновним благочестием? Мятеж и государственная измена — штука куда более

суровая, чем ты себе представляешь. Твою мать отправят в ссылку, и она с вероятностью в девять из десяти сгинет по дороге, так что ее душа даже не отыщет путь домой. Твое имя с позором вычеркнут из родовых книг, а прах твоего отца выбросят из семейной усыпальницы. Старик умер много лет назад, в чем его вина? Хочешь, чтобы из-за тебя его кости валялись в диком поле, служа кормом для бродячих псов? Что тогда скажут люди? Скажут, что эта семья положила все силы и средства, дабы выучить сына, а в итоге все эти книжные премудрости пошли коту под хвост, да и сами они закончили жизнь в собачьем брюхе. Что ж, воистину прекрасное благочестие, завидная сыновняя любовь.

Вэньжэнь Юэ никак не ожидал услышать столь гладкую, едкую и запредельно жестокую тираду. Он в панике засуетился и принялся отчаянно жестикулировать, безмолвно умоляя Лэ Уя прикусить язык.

Лэ Уя лишь дерзко подмигнул ему, давая понять, чтобы тот не совался и не мешал.

По мере того как Лэ Уя слово за словом бил по самому больному, грудь ученого Мина вздымалась все сильнее и чаще.

Когда прозвучала последняя фраза, заключенный наконец распахнул глаза. В его мертвом, затуманенном взоре едва заметно вспыхнул яростный огонь:

— Ты... ты... Зачем ты говоришь мне все это? Чего ты добиваешься?

— Мне нужна твоя чистая правда, — Лэ Уя ухватился ладонью за влажные деревянные прутья решетки и медленно опустился на корточки. — Были ли у тебя помыслы о бунте, совершал ли ты измену?

Собрав последние крохи сил из вспыхнувшего в груди гнева, ученый Мин заставил себя сделать судорожный вдох и уставился на стоявшего перед ним с фонарем Лэ Уя.

Он впервые так близко и отчетливо видел лицо этого молодого уездного судьи.

Ученый Мин смутно припоминал, что еще до того, как оказаться в этих застенках, он несколько раз бывал в судебной управе, когда помогал местным составлять прошения, и тогда ему доводилось пересекаться с начальником.

Если говорить на чистоту, он всегда презирал этого купеческого сынка, добравшегося до судейского кресла.

В глазах ученого любой, кто купил свой чин за деньги, был обычным бездарем и пронырливым дельцом, ищущим легкой наживы.

Да и не только для него, для очень многих Вэньжэнь Юэ казался человеком бесхребетным,

мягкотелым и абсолютно лишенным судейского величия. Обычная бесполезная побрякушка.

Тяжело дыша, арестант прополз пару шагов вперед, уцепился руками за решетку и то ли сквозь слезы, то ли со смехом выдавил:

— Господин Вэньжэнь, я уже покойник. К чему теперь устраивать эти допросы, какой в них прок?

Лэ Уя ответил без утайки:

— Если бы ты действительно затеял мятеж, я бы наговорил тебе этих гадостей исключительно ради того, чтобы твоя душа и после смерти не знала покоя.

— Но если тебя оговорили, и ты умираешь без вины, я готов завершить то, что ты не успел. Обещаю смыть с твоего имени позор и защитить твою семью. О твоей матери я позабочусь сам и обеспечу ей достойную старость до конца ее дней.

Он прижал ладонь к груди и с предельной искренностью добавил:

— ...Отныне Вэньжэнь Юэ станет ее сыном.

Если бы Лэ Уя произнес эти высокопарные слова со своим прежним спесивым и высокомерным выражением лица, ему бы вряд ли кто-то поверил.

Однако безупречный, благородный облик Вэньжэнь Юэ, в чьих чертах от природы читалась честность, сейчас пришелся как нельзя кстати.

Впрочем, вся эта чувственная и драматичная сцена разыгрывалась Лэ Уя вовсе не из-за внезапного приступа справедливости и желания докопаться до истины в уголовном деле.

Лэ Уя никогда не верил в глупую сказку о том, что человек перед лицом смерти говорит исключительно правду.

Он привык доверять лишь тем фактам, которые раскопал лично.

Его предсмертное утешение преследовало совершенно иную, куда более практичную цель.

Теперь-то он доподлинно знал, что после кончины человеческий дух не исчезает бесследно.

Ученый Мин загнан в угол и доживает последние мгновения, и больше всего на свете его сейчас волнует судьба престарелой матери.

А раз так, Лэ Уя требовалось намертво зацепить парня за это уязвимое место, заставив умирающего безоговорочно поверить «Вэньжэнь Юэ» и довериться ему, чтобы тот мог уйти со спокойной душой.

Главное — ни в коем случае нельзя было позволить ученому испустить дух, затаив обиду и злобу на весь мир.

Иначе, чего доброго, этот бедолага после смерти обратится в мстительного призрака и примется донимать Вэньжэнь Юэ, который как раз собирался занять освободившееся тело, а это сулило крупные неприятности.

Глаза ученого Мина заволокло слезами, они непрерывным потоком хлынули по его исхудавшему лицу. Судорожно цепляясь пальцами за деревянные прутья, он через силу заставил свое тело приподняться.

Лэ Уя стоял по ту сторону решетки, спокойно удерживая фонарь и не отрывая от него взгляда.

Едва удерживая равновесие, ученый внезапно резко подался вперед и с глухим стуком рухнул лицом в землю.

Собрав последние крохи жизненных сил, он отвесил Лэ Уя свой первый и последний, залитый кровью поклон.

И в тот же миг тишину мрачной, заброшенной тюрьмы разорвал его истошный, полный нечеловеческой боли крик:

— Меня оговорили! Господин, я без вины виноват!

Этот душераздирающий, залитый кровью крик заставил прятавшегося вдали и подслушивавшего смотрителя Чэня споткнуться от неожиданности.

Он торопливо схватил свежий фонарь, подбежал к камере и яростно прикрикнул на арестанта:

— Ты чего тут раскричался?

Но стоило ему повернуться к уездному судье, как выражение его лица мгновенно сменилось на угодливое и почтительное:

— Начальник, вы, верно, испугались. Этот парень уже несколько дней прикидывается дураком и несет околесицу, он ведь не посмел оскорбить вас?

Лэ Уя слишком хорошо знал эту старую уловку: «сделать человека сумасшедшим».

Стоит признать кого-то безумцем, и любая его чистая правда вмиг превращается в бредни.

— Вот как, — Лэ Уя неторопливо поднялся на ноги и расправил помявшийся край одежды. — А сколько человек сегодня дежурит в ночную смену?

Смотритель Чэнь едва заметно повел глазами:

— Докладываю начальнику, всего шестеро. Желаете, чтобы я созвал их для проверки?

— Раз уж я пришел, то, разумеется, стоит проверить, — спокойно ответил Лэ Уя.

— Здесь грязно и сыро, — засуетился смотритель. — Пойдемте лучше в переднюю управу, а я пока кликну людей.

— Не нужно никого звать, — Лэ Уя властно протянул руку. — Просто принеси мне дежурный журнал.

Лицо смотрителя Чэня на мгновение окаменело.

Согласно официальному расписанию, в эту ночь на посту обязаны были находиться один смотритель, один истопник и пятеро стражников — всего семь человек.

Однако совсем недавно он самолично отправил одного из тюремщиков с донесением к своему двоюродному дяде, местному богачу Чэнь Юаньвэю.

И дабы внезапно нагрянувший посреди ночи начальник при пересчете по головам не заметил нестыковку, смотритель решил проявить смекалку и умышленно занижил число дежурных.

Вот только в самом дежурном журнале черным по белому значилось, что на смене должны быть семеро.

Будучи прожженным канцеляристом, смотритель Чэнь прекрасно знал, что высокопоставленные чиновники редко снисходят до мелких разбирательств со слугами. Обычно они просто собирали всех в кучу, читали короткую нотацию и на этом успокаивались.

Этот новый уездный судья действительно не смыслит в здешних порядках, или же он, напротив, слишком хорошо видит все скрытые механизмы?

Тем не менее смотритель быстро вернул себе прежнюю невозмутимость и почтительно

склонился:

— Сию минуту, начальник, я сейчас же принесу его.

Успешно спровадив его в очередной раз, Лэ Уя резко обернулся и устремил взор на Вэньжэнь Юэ.

В этот самый миг ученый Мин окончательно лишился последних жизненных сил. Его тело безвольно повалилось на бок, и он мог лишь судорожно ловить ртом воздух, доживая последние секунды.

Вэньжэнь Юэ прекрасно понимал, что промедление смерти подобно. Он сложил ладони вместе и отвесил несчастному студенту глубокий, почтительный поклон.

Сразу после этого он опустился к нему и попытался полностью слиться с этой умирающей плотью.

Практически в то же мгновение его призрачный силуэт бесследно растаял в полумраке камеры.

А веки ученого Мина медленно дрогнули. Его взгляд, еще секунду назад бывший мутным и угасающим, вновь обрел кристальную ясность и осознанность.

Увидев это, Лэ Уя наконец облегченно выдохнул.

Все шло в точности по его расчету.

Пока дух покойного не ослаб окончательно, он вполне способен вдохнуть новую жизнь в эту израненную, угасающую оболочку.

В конце концов, стоило вспомнить, что когда он сам очнулся в этом мире, Вэньжэнь Юэ висел в петле и едва не испустил дух.

Но сейчас сам Лэ Уя мыслил ясно и двигался без малейшего труда. И этому факту, кроме как необычайной силе его собственного духа, не находилось иного разумного объяснения.

А вот над тем, по какой причине он умудрился ожить спустя четыре года после собственной казни, сейчас размышлять было некогда.

Лэ Уя присел на корточки перед решеткой и коротко, как приказ, бросил:

— Ты обязан выжить.

Вэньжэнь Юэ судорожно сделал два вдоха, уцепился пальцами за деревянные прутья и едва слышно прошептал:

— Господин Гу... теперь все зависит только от тебя.

— Ошибаешься, — Лэ Уя поднялся во весь рост, небрежным жестом поправил завязки на чиновничьей шапке и с улыбкой произнес: — Я — Вэньжэнь Юэ. Господин начальник, впредь смотри не перепутай.

Из глубины коридора уже доносился отчетливый стук шагов возвращающегося зрителя Чэня.

Лэ Уя заговорил намного быстрее, четко чеканя каждое слово:

— Послушай меня, Вэньжэнь Юэ. Ты должен твердо запомнить одну вещь: кто бы и когда бы ни вызвал тебя на допрос, ты не должен произносить ни единого слова. Притворись круглым немым простофилей, и тогда твоя жизнь будет в безопасности. И напоследок ответь мне: раз уж ты, будучи уездным судьей, в этом Наньтине ничего не решаешь, то под чье крыло переметнулась вся остальная здешняя свора? К какому покровителю они ходят на поклон?

Вэньжэнь Юэ уцепился за последние секунды и заговорил торопливо, скрадывая звуки:

— Сунь Жу... заместитель судьи, господин Сунь. Он родом из соседнего уезда, но с малых лет учился здесь, в Наньтине. Получил чин благодаря званию эньбагуньши*, честно отработал здесь целых десять лет и спит и видит, как бы занять судейское кресло. Он пустил здесь настолько глубокие корни, что мне с ним ни за что не совладать...

ПП: очень почетный комбинированный статус в образовательной системе древнего Китая. Он означает, что человек стал «высокопочтенным ученым-кандидатом (гоньши), отобранным в обход стандартных квот по личной милости императора».

Он опустил голос до едва различимого, приглушенного шепота:

— ...И он ведет тайные дела с местным богачом Чэнь Юаньвэем, тем самым господином Чэнем.

Не успел он договорить, как из темноты со свитком в руках вынырнул зритель Чэнь в сопровождении пяти дежурных стражников. Он почтительно протянул журнал обеими руками и заискивающе улыбнулся:

— Начальник, тут такое дело... Один из наших парней внезапно почувствовал себя дурно и

отпросился со службы. Я взял на себя смелость и отпустил его домой отлежаться, так что одного человека не хватает. Не взыщите, господин.

Это было его привычное дежурное оправдание, призванное успокоить Лэ Уя. Обычная, шитая белыми нитками канцелярская ложь, точно такая же, как и у того мелкого писца.

И Лэ Уя ничуть не сомневался: стоило ему сейчас сорваться на крик или устроить дотошное расследование, эта банда без лишних слов притащила бы откуда-нибудь деревянные нары с тем самым «тяжелобольным» стражником, дабы выставить своего нового начальника бездушным и жестоким самодуром, измывающимся над подчиненными.

Именно поэтому Лэ Уя и не подумал устраивать разборки.

Он не просто не стал докапываться, а сорвал с пояса собственный кошель и небрежно забросил его прямо в руки смотрителю Чэню, спрятав ладони в широкие рукава:

— Ну, тогда тем более стоит проявить к нему побольше заботы.

Он тратил деньги Вэньжэнь Юэ прямо у него на глазах, ничуть не заботясь о приличиях.

Смотритель Чэнь поспешно переправил мешочек с серебром стоявшим за его спиной стражникам, у которых от блеска монет уже загорелись глаза:

— Ах, господин уездный судья, вы излишне щедры к нам.

— Пустяки, я ведь эти деньги не на ветер бросаю, — он выразительно ткнул пальцем в сторону заставшего в камере Вэньжэнь Юэ и с крайне серьезным видом добавил: — Что с ним такое? На теле вроде не видать следов от побоев, с чего бы ему так угасать?

Смотритель Чэнь принялся клятвенно заверять, изображая оскорбленную невинность:

— Господин судья, этот книжник — обычный хлипкий доходяга, только с виду статный. Посидел в застенках всего несколько дней, да и докатился до такого состояния. Ничтожные рабы тут совершенно ни при чем, видит Бог.

— Сейчас этого человека подозревают в государственной измене, а это, между прочим, самое крупное уголовное дело с тех пор, как я занял судейское кресло. Если все обернется всерьез, бумаги отправятся прямиком в столицу, на личную подпись государю, — Лэ Уя подошел к смотрителю Чэню почти вплотную и понизил голос до заговорщицкого шепота: — Если в моих краях разгорится мятеж, о высшем балле на трехлетней аттестации можно позабыть. А уж если этот парень нечаянно протянет ноги прямо в камере, начальник округа непременно сочтет меня за бездельника, который не умеет вести дела. Чего доброго, я еще и прослышу жестоким палачом. Твой начальник в будущем планирует подняться еще выше по служебной

лестнице, и мне вовсе не улыбается, чтобы это дело подмочило мою репутацию. Ты ведь понимаешь, клоню к чему?

Смотритель Чэнь едва заметно повел глазами и поспешил всю поддакивать:

— Ничтожный раб все понял. Завтра же с утра я отыщу толкового лекаря, как на это смотрите?

По его личному разумению, этот ученый просто оказался излишне гордым. Матушку его взяли в заложники, вот парень через силу и сломал собственный хребет. Душевные муки сожгли его изнутри, недуг накатил сокрушительной лавиной, да и сам он всем сердцем искал смерти. А то, что он только что кричал о своей невинности, куда больше походило на предсмертную вспышку сознания. Светила ему дорога на тот свет, и до завтрашнего дня он, скорее всего, просто не дотянет.

Пока смотритель Чэнь втихомолку крутил свои мелкие корыстные мысли, Лэ Уя залихватски взмахнул широким рукавом, всем своим видом демонстрируя полное равнодушие:

— Поступай как знаешь. Смотритель Чэнь, мы с тобой этой ночью так славно побеседовали, словно сто лет друг друга знаем, так что церемониться я не стану. Мое судейское имя и карьера теперь целиком в твоих руках. Если он доживет до официального допроса, я останусь у тебя в большом долгу. Ну а если он загнется, уж не обессудь, мне придется спросить с тебя по всей строгости.

Смотритель Чэнь лишь молча сглотнул.

Сделав пару шагов к выходу, Лэ Уя внезапно развернулся и снова поманил смотрителя пальцем.

Тот с виноватой, заискивающей улыбкой поспешил приблизиться.

Лэ Уя опустил голос так, чтобы слова предназначались только для них двоих:

— Он согласился признать вину по большей части из-за своей престарелой матери. Если старуха вдруг преставится в камере, парень сдуру может передумать, и тогда у нас прибавится хлопот, верно?

Смотритель Чэнь, в чьей голове мгновенно все уложилось, усердно закивал:

— Верно, верно! Как только завтра явится лекарь, я незамедлительно отправлю его и в женские застенки тоже.

Лэ Уя придирчиво оглядел его с ног до головы:

— Этой мелочи на расходы тебе, пожалуй, маловато будет?

Смотритель Чэнь согнулся в три погибели, угодливо лебезя:

— Хватит ли, нет ли — о том господину судье не стоит и беспокоиться. Ничтожный раб и сам скопил кое-какое состояние, так что для меня великая честь послужить вам и приложить все силы ради вашего блага.

На словах он усердно сыпал лестью, а в душе втихомолку радовался.

Выходило, что все это время господин Вэньжэнь так долго колебался, заступался за этого бедолагу и пытался добиться пересмотра дела вовсе не из-за того, что принадлежал к числу честных и благородных праведников. Парень просто до смерти пекся о собственной репутации и категорически не желал, чтобы в его уезде числился всяк с государственным мятежом.

Раз уж дело обстояло так, договориться с ним будет проще простого.

Северная часть города. Поместье богача Чэня.

На кирпичные стены и красную черепицу крыш тонким слоем улеглись морозные кружева инея, отчего старинная усадьба казалась еще более величественной и неприступной.

Один из нищих, который еще днем умудрился тайком пробраться в город через заставы, надеялся переждать суровую морозную ночь в тихом, защищенном от ветра углу возле забора усадьбы, однако дворовые слуги без лишних слов принялись гнать его прочь, размахивая длинными бамбуковыми шестами.

Бродяга получил сильный удар палкой прямо по макушке. Он попытался было вскочить и броситься наутек, но от сильного головокружения лишь принялся нелепо и беспорядочно кружить на месте: удар напрочь отбил ему память и соображение.

Слугам эта картина показалась презабавной. Они со смехом кликнули остальных приятелей и теперь, вооружившись шестами, принялись гонять бедолагу из стороны в сторону, словно глупую домашнюю птицу, развлекаясь со случайно подвернувшейся живой игрушкой.

Из раны на голове нищего хлынула кровь, которая на пронизывающем зимнем ветру мгновенно превратилась в ледяную багровую корку.

Пока челядь у ворот всю потешалась над калекой, в самых дальних покоях огромного поместья клубился теплый, хмельной пар от вина. В дорогах бронзовых курильницах добела

раскалились угли из лучшего древесного угля, отчего плетеные рамы утепленных окон сделались мягкими от жара.

Один из тюремщиков, ведомый личным слугой хозяина, поспешно покинул покои и направился к заднему двору, дабы получить свою щедрую награду за доставленные вести.

Богач Чэнь Юаньвэй выслушал донесение с таким видом, словно речь шла о новой нелепой выходке какого-то его дальнего непутевого племянника. Он лишь покачал головой и со светской мягкостью в голосе вздохнул:

— Надо же, господин Вэньжэнь снова отправился в тюремные застенки. До чего же упрямый и твердолобый юнец.

Заместитель уездного судьи, Сунь Жу, поднялся со своего места и с угодливой улыбкой до краев наполнил чашу хозяина дома:

— Сын простого торговца рисом, откуда у него возьмутся методы, достойные приличного общества? В тюремные-то двери он войти сумел, а вот с какой стороны подступаться к дверям настоящей чиновничьей управы и как вести дела с министерствами, тут он до сих пор путается и блуждает в трех соснах.

Господин Чэнь поднял чашу:

— Пришлый мальчишка, совершенно не обученный здешним манерам и не знающий местных правил. В нашем уезде Наньтин впредь обо всем придется заботиться исключительно тебе, господин Сунь. На твою долю выпадет немало трудов.

Оба мужчины понимающе переглянулись и в один глоток осушили свои кубки.

Лэ Уя вернулся в уездную управу той же дорогой.

Едва он переступил порог, как навстречу ему выскочил тот самый бесследно исчезавший писарь судебного приказа. На его лице теперь читались крайняя предупредительность и глубокая тревога:

— Начальник, да где же вы были? Я и материалы дела забрал, и коней подготовил, все это время только вас и дожидаясь.

С виду чистой воды преданный служащий.

Лэ Уя не стал портить ему игру и охотно подыграл.

Он сделал несколько шагов вперед, веско опустил ладонь на его плечо и с предельной серьезностью произнес:

— Писарь Чжан, спасибо за службу. Натерпелся ты сегодня.

Служащий никак не ожидал, что после столь откровенного пренебрежения начальник даже не нахмурится. Он опешил и открыл было рот, чтобы выдать дежурную любезность, но стоило ему на мгновение отвлечься, как Лэ Уя ловким движением выудил у него из рук свитки с материалами дела.

Лэ Уя ободряюще похлопал его по плечу:

— Ступай спать.

И... на этом все?

Писарь Чжан растерянно выдавил слова согласия, почтительно сложил ладони и поспешил удалиться.

Лэ Уя подбросил в воздух связку ключей от архива, которую только что незаметно вытащил у него из-за пояса, ловко перехватил ее на лету и задорно вскинул брови.

Пускай впереди была еще целая ночь, ему требовалось поторопиться. Нужно как можно скорее разгрести это змеиное логово и вернуть тело законному владельцу — Вэньжэнь Юэ.

Сам он уже четыре года как мертвец, и задерживаться в мире живых ему не следовало.

<http://bllate.org/book/18193/1749702>